

Конечно, не все были так сильны, как Минато, но их было много.

Даже генины для обычных землян были сверхлюдьми.

Более того, в мире шиноби существовали не только ниндзя.

Многие из тех, кто не являлся ниндзя, также обладали чакрой и сверхъестественными способностями.

Всех их можно было отнести к категории «супер-игроков».

А обычные жители мира шиноби, хоть и уступали ниндзя, по классификации системы всё равно имели вдвое больше клеток, чем «нормальные люди», и могли генерировать больше «эмоциональной ценности».

Поэтому, если привлечь к игре достаточно сильных людей, задание системы можно было выполнить относительно легко.

А значит, и получить награды.

Оки снова погрузился в мечтания, представляя, как с помощью наград системы преодолеет границы своей посредственности, полностью раскроет потенциал своего клана и, в конечном итоге, станет Супер Учхил, способным одним взглядом подчинить себе Девятихвостого!

Даже немного взволновался.

Хе-хе-хе!

«Хмм... Устал...»

Внезапно Оки нахлынула сильная усталость – последствия чрезмерного использования шарингана и чакры.

Игровой мир задрожал и начал рушиться.

Минато, увлеченный «Драка, это круто!», опешил, увидев, как враги и окружающее красное пространство внезапно распадаются.

Мир вокруг него качнулся, и сознание помутилось.

Очнувшись, он обнаружил себя лежащим на кровати.

Оки сидел рядом на стуле, массируя переносицу с измученным видом.

«Оки, что с тобой?» – обеспокоенно спросил Минато.

«Ничего, просто глаза устали. Поддержание игры требует постоянной траты чакры. Я установил для себя предел, и когда он достигается, игра автоматически отключается», – ответил Обито, махнув рукой. – «Но всё равно немного устал».

Минато понимающе кивнул и стал молча ждать, пока Оки придёт в себя.

Когда Обито перестал массировать голову, они возобновили разговор.

Конечно же, об игре.

Минато был в восторге от иллюзорной игры, назвав её беспрецедентной и невероятно перспективной техникой.

Он считал, что при должном развитии она может сравниться с Мокутоном Первого Хокаге, которым тот усмирил мир.

Минато полагал, что иллюзорная игра Оки – это новая техника, основанная на гендзюцу Шарингана, и что в мире шиноби существует немало подобных уникальных техник, например, Мокутон Сендзю Хаширамы.

От таких похвал Обито только чесал голову: «Хотя эта иллюзорная игра и правда удивительна, сравнивать её с Мокутоном – это, по-моему, слишком».

Минато серьёзно покачал головой: «Нет, я не думаю, что это преувеличение. Не говоря уже о всех чудесах внутри игры, один только реализм превосходит любое известное мне гендзюцу».

«Когда всё внутри неотличимо от реальности, грань между реальным и иллюзорным стирается, а это значит, что смерть в игре приведёт к смерти в реальном мире. Ни одно известное гендзюцу на такое не способно».

Теория о том, что иллюзия может влиять на реальность, обманывая мозг и вызывая настоящую смерть, существовала и в мире шиноби.

Однако ни одно гендзюцу пока не достигло такого уровня, по крайней мере, насколько знал Минато.

Главная цель обычного гендзюцу – контроль над противником, и разница лишь во времени и методах контроля.

Во время действия гендзюцу противника можно убить или заставить покончить с собой.

Но это не прямое убийство с помощью гендзюцу, а физическое воздействие.

Иллюзорная игра Оки отличалась.

Испытав её на себе, Минато был абсолютно уверен, что её реализм настолько высок, что способен стереть грань между иллюзией и реальностью, убив человека в виртуальном мире – разве сам факт того, что Оки установил в игре защитный механизм, не говорит сам за себя?

Более того, гендзюцу в мире шиноби, по сути, нарушало поток чакры, воздействуя на пять чувств и разум цели, и точно так же можно было вырваться из гендзюцу, восстановив нормальный поток чакры.

Поэтому джинчурики обычно не боялись гендзюцу – попав под его действие, они могли использовать чакру хвостатого зверя, чтобы освободиться.

Но с иллюзорной игрой Оки всё было иначе, потому что...

«Хотя условия активации довольно жесткие, и любое сопротивление приводит к сбою, но как только игра запускается, обычные методы противодействия гендзюцу перестают работать. Оки, я пытался использовать чакру, чтобы нарушить иллюзию и вырваться из игры».

«Но у меня не получилось. Не могу сказать, что я мастер по противодействию гендзюцу, но и слабаком меня не назовешь. Кушина и мой учитель Джирайя научили меня разным техникам, но все они оказались бесполезны».

«Это значит, что даже такой сильный шиноби, как Третий Хокаге, вероятно, не сможет выбраться из иллюзорной игры самостоятельно».

«Если решить проблему с жесткими условиями активации и сделать так, чтобы её можно было использовать в обычном бою в любое время, а ты сам при этом не терял бы способность двигаться, эта техника станет настоящим оружием массового поражения на поле боя».

В конце Минато с восхищением и искренним уважением произнес: «Обито, ты настоящий гений-изобретатель, не уступающий Второму Хокаге, Сендзу Тобираме!»

Услышав, что его сравнивают со злобным старикашкой Сендзу, Оки онемел.

Хорошо, что Минато не знал, что «для Учихи сравнение с Сендзу Тобирамой – это высшее оскорбление», иначе Оки точно решил бы, что Минато издевается.

«Ты меня переоцениваешь. Я не гений-изобретатель и не могу сравниться со Вторым Хокаге», – возразил Обито.

Минато серьезно ответил: «Нет, я уверен, что тебя ограничивает твой талант как ниндзя. Если бы твой талант соответствовал твоей гениальности, ты бы ни в чем не уступал Второму».

«Вспомни, как два года назад ты помог мне разработать Расенган. Без тебя я бы, наверное, никогда не создал эту технику, не говоря уже о её последующих улучшенных версиях».

Оки: «А может, ты бы и без меня разработал Расенган?»

Минато горько усмехнулся: «Оки, ты меня переоцениваешь. Хоть меня и называют гением, я просто быстро учусь. В плане изобретательности мне до тебя далеко».

Он говорил с такой уверенностью и скромностью, будто считал себя бездарем по сравнению с Обито.

Оки не знал, что сказать.

Оставалось лишь признать, что Минато смотрит на него сквозь слишком розовые очки.

Но ничего не поделаешь.

Оки, подлый пришелец из другого мира, с детства дружил с Минато.

Превосходя своих сверстников, ему достаточно было в детстве бросить пару продвинутых идей, чтобы вызвать у маленького Минато восхищение и преклонение, заставив его поверить в свою гениальность.

В то время Обито, как попаданцу, казалось, что он – выдающийся гений с безграничным будущим, и он намеренно создавал себе имидж крутого парня, желая заручиться поддержкой и восхищением Минато.

Но повзрослев и осознав свою посредственность, Оки отказался от несбыточных мечтаний и стал искренне дружить с Минато, надеясь, что будущий Четвертый Хокаге поддержит его в

трудный момент.

А ещё он не хотел, чтобы Минато погиб от руки предателя-ученика.

Поэтому, когда им обоим было шестнадцать, Оки помог Минато раньше срока разработать Расенган.

Ведь в оригинальной временной линии Минато создал эту технику лишь в конце Третьей мировой войны шиноби, увидев мощь Биджудамы после столкновения с вражеским джинчурики, и потратил на её разработку три года с помощью Джирайи.

Для Оки же разработка Расенгана была просто списыванием домашнего задания.

В конце концов, эта техника, ставшая визитной карточкой Наруто, имела подробное описание процесса создания и дальнейшего развития.

Поэтому, «разрабатывая» Расенган вместе с Минато, Оки нужно было лишь постоянно подкидывать «идеи», выступая в роли супер-генератора идей, и шаг за шагом вести Минато к созданию Расенгана и его улучшенных версий.

Но, видимо, продемонстрированный «творческий потенциал» оказался слишком сильным, и Минато, уже смотревший на него сквозь розовые очки, окончательно уверовал в гениальность Оки, считая его «изобретателем» уровня Сендзу Тобирамы.

Надо сказать, недопонимание вышло изрядное.

Особенно после «разработки» иллюзорной игры, которую Минато даже сравнил с Мокутоном!

<http://tl.rulate.ru/book/121173/5059421>